

От чего зависит этнокультурное мировидение: к вопросу о картине мира

Практика межъязыковых польско-русских контактов неоднократно подтверждала наличие между этими родственными и ареально близкими языками не только сходств, но и существенных различий. Эти различия касаются не только уровня внешней или внутренней форм (грамматики в широком смысле), но и уровня лексических знаков (информационной базы) названных языков. Анализ межъязыковой коммуникации, особенно затруднений и сбоев в такой коммуникации, вопросов практики перевода, а также анализ чисто дидактических проблем, возникающих при изучении поляками русского и русскими польского языка свидетельствует о том, что причины подобных различий лежат гораздо глубже, а именно еще на доязыковом уровне, на уровне этнокультурного мировидения или мирозерцания поляков и русских. Это специфическое мировидение или мирозерцание, с одной стороны, является следствием многовекового уклада жизни этих народов, следовательно, оно обусловлено сложившейся традицией, возникшей в определенной цивилизационно-культурной ситуации. С другой стороны, такое мировидение является способом продолжения этой традиции и сохранения культуры и, как следствие, становится причиной, обуславливающей поведение (в том числе, языковое) конкретных их представителей, которые, в свою очередь, формируют мир согласно имеющемуся в их сознании образу мира. Совокупность всех этих специфических для каждого народа способов понимания мира обычно называют **картиной мира (КМ)**. Ту часть картины мира, в которой отражена коммуникативная специфика национального характера и которая, в свою очередь, выражается в способах и средствах вербальной коммуникации, принятых в данной этнической среде, называют **языковой картиной мира**.

Языковую КМ следует отличать таким образом от **ментальной (или когнитивной) КМ**. Когнитивная КМ – явление более сложное и объемное, чем языковая КМ, а в силу своей слабой эксплицированности, – менее изучено, чем языковая КМ. Несомненно она проявляется в языковой КМ, как, впрочем, и испытывает на себе влияние последней, однако факторами ее формирования являются не только язык и речь, но и вся сфера предметной деятельности, включая и паралингвистическую коммуникацию, традиционную для данного общества.

В последнее время в науке и в публицистике наблюдается рост интереса к теме культурно-духовных и культурно-цивилизационных ценностей отдельных народов и наций. Это связано, с одной стороны, с развитием возможностей доступа к информации такого характера (Интернет, спутниковое и кабельное телевидение, путешествия), с другой же стороны, с глобалистическими тенденциями. Глобализация ведет к выравниванию, сглаживанию существенных различий между представителями отдельных национальностей и культур. В связи с этим появляются многочисленные научные работы, пишутся статьи, авторы которых подчеркивают особенности поведения, в том числе и языкового, различных этно-культурных сообществ. Специфика поведения заложена в способе видения мира, в образе мира, характерном и, до определенной степени, общем для представителей отдельных национальностей. Этот способ мировидения мы и называем картиной мира. Сама картина мира, как способ восприятия мира человеком и одновременно продукт этого восприятия, присуща человеку с тех пор, как он стал ощущать себя мыслящим культурно-общественным существом. Этим самым мы отделяем феномен КМ от естественно-инстинктивного самоощущения животных.

В лингвистику термин "картина мира" был введен в XX веке немецкими и американскими лингвистами, хотя еще в начале XIX века Вильгельм фон Гумбольдт заметил, что "в каждом натуральном языке заключено ему только присущее видение мира (Weltansicht)" [1: 8]. Мысль о существовании особого языкового мировидения теоретически реализуется также в рамках гипотезы лингвистической относительности (Э. Сепир, Б. Л. Уорф, Л. Вайсгербер).

КМ традиционно понимается как помощь в интерпретации мира и результат такой интерпретации. Мы преобразуем окружающую нас действительность согласно нашим потребностям и закреплённой в нас КМ, которая заставляет нас думать и поступать так, а не иначе. Осуществляя нашу деятельность в различных ее разновидностях, мы влияем на мир и делаем его таким, каким он выглядит в нашей картине мира. Это не КМ является отражением (отображением) мира, а человеческий мир (с которым мы имеем дело в нашей целесообразной деятельности) является в значительной степени отражением нашей КМ, которая возникает на базе отношений с опытом других людей. Способ видения мира и тип мышления задают нам правила формирования опытного взаимодействия с окружающей средой (также бессознательно). Еще ребенком мы впитываем различные законы и по привычке им следуем, думая, что это мы так решили, на самом же деле это общество что-то уже "решило" за нас и "воспитало" нас, приспособившая к жизни именно в этом обществе.

Не только сознательное, но и бессознательное участие в культурно-цивилизационном наследстве детерминирует чувство национальной, культурной, социальной принадлежности, реализующееся на историческом фоне данной цивилизации.

Можно предположить, что языковая КМ при помощи языковых средств выражает когнитивную КМ, а через нее – мир как таковой, и "то, что отдельные слова одного языка в конечном счете согласуются с отдельными словами другого языка, поскольку все языки суть развертывания единого единства духа" [2: 506]. Но является ли когнитивная картина мира простым отражением мира или же это продукт чисто человеческой деятельности, прямо не соотносящийся с миром? Ведь для утверждения, что мы (люди) адекватно воспринимаем чувствами и понимаем разумом мир, нам нужен некий эталон – представление о мире, которое было бы одновременно и объективным (без примеси человеческой специфики) и человеческим (чтобы мы могли его понять). А это противоречит самому себе.

Появляется следующий вопрос: существует ли универсальная общечеловеческая или хотя бы скольконибудь обобщенная когнитивная картина мира или же каждый человек обладает собственной, абсолютно индивидуальной картиной мира? Если учесть наше генетическое родство и физиологическое сходство, а также описанную Кантом универсальную способность чувственно воспринимать мир в пространственно-временных отношениях, то достаточно ли этого для образования одной, общей для всех людей картины мира, даже если она и не соответствует истинному положению дел в мире? Как подсказывает опыт, создание такой картины мира – вещь невыполнимая, потому что наш практический опыт постоянно вносит коррективы и в наши теоретические положения, и в наши планы, и в наши прошлые знания, а общение с другими людьми постоянно демонстрирует ту огромную пропасть, которая существует между людьми, выросшими и воспитавшимися в различных цивилизациях, культурах, странах, социальных слоях, не говоря уже о чисто антропологических и физиологических различиях между мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми, т.н. "нормальными" и т.н. "психически больными" и т.п. Тем не менее, люди разных типов цивилизаций, не говоря уже о близких друг другу представителях одного и того же народа (например, членах одной семьи), находят взаимопонимание друг с другом, если не на языковом, то на предметном уровне, и степень этого взаимопонимания значительно выше, чем, например, между людьми и животными. Следовательно, поиски общечеловеческих универсалий – отдельных элементов картин мира, свойственных всем людям – не лишены оснований.

Так, исследователь этнопсихологии и создатель теории лингвистической относительности Б. Л. Уорф вынужден был признать, что все без исключения языки мира содержат противопоставление имени (понятия субстанции) и глагола (понятия процесса). О. Лещак связывает это обстоятельство с уже называвшимися выше априорными свойствами апперцепции – пространством и временем. Так, представление о нахождении всякого объекта мысли в пространстве приводит в ходе эволюции к возникновению понятия субстанции (предмета, объекта, вещи), а представление о временных циклах – к понятиям об изменении, существовании, бытии, а значит, – к понятию о процессе (действии, состоянии). Даже те исследователи-универсалисты, которые пытаются обнаружить некую "общую" картину мира, вынуждены признать, что каждая национальная культура обладает своим специфическим вариантом этой "единой" КМ. Вопрос генетического соотношения "общей" и "этнической" КМ остается открытым. Возможны, по крайней мере, два противоположных его решения: либо "единая" КМ конкретизируется в отдельных этнических КМ, либо отдельные индивидуальные КМ, постепенно взаимно приспособляясь, объединяются в разные виды социальных и этнических КМ, а эти последние вследствие взаимного общения социальных групп и народов – в единую общечеловеческую КМ. Нам ближе второе решение данного вопроса. С этой точки зрения "единая" КМ – не более чем условность. Теоретически это та часть индивидуальной КМ, которая соответствует аналогичным частям картин мира каждого человека (если это вообще возможно).

Но если нет единой, общечеловеческой, то, может быть, существует общецивилизационная или общекультурная картины мира, свойственные представителям одного и того же типа цивилизации или культуры? Американские исследователи М. Коул и С. Скрибнер, и независимо от них русские психологи Л. Выготский и А. Лурия обнаружили ряд интереснейших особенностей, свойственных миропониманию людей т.н. "традициональной" и "цивилизационных" культур (у русских исследователей – людей, посещавших и не посещавших школу). Но даже наш сравнительный анализ русского и польского лексического фонда (не говоря уже о многочисленных грамматических и фразеологических исследованиях в области русско-польской конфронтативной лингвистики) свидетельствует об обратном: если и есть общеевропейский или общеславянский тип мышления и поведения, то, во-первых, его можно обнаружить только в сопоставлении и противопоставлении с неевропейским или неславянским, а не в сравнении общих корней. Представители пражской школы структурно-функциональной лингвистики еще в первой трети прошлого века предложили альтернативу традиционным сравнительно-историческим исследованиям – ареальное типологическое изучение особенностей каждого языка и соответствующего ему типа мышления. По их мнению, и когнитивная, и языковая картина мира – не врожденное, а опытное явление. Важно не то, у каких по национальности или языковой принадлежности родителей родился ребенок, а в какой языковой и культурной среде он вырос и сформировался как личность.

Проблема соотношения этнического и цивилизационного в индивидуальной КМ конкретного человека особенно обострилась в конце XX века, в эпоху "постмодернизма", когда на смену универсализму пришли тенденции к плюрализму и дроблению. Существенные перемены в общественной и политической жизни России и Польши привели одновременно как к интегративным, так и дезинтегративным процессам в КМ русских и поляков. Интеграция осуществляется на фоне все возрастающего "европо-" и

"американоцентризма" особенно в среде молодежи и среднего поколения обеих стран. Существенное влияние на этот процесс оказывает мировая политическая тенденция к глобализации. Однако пути и способы европеизации и американизации современных русской и польской этнических КМ различны, поскольку различны мотивы этих процессов и точки соприкосновения названных культур с культурами или культурой Запада. Дезинтеграция же наметилась (особенно с русской стороны) после окончания периода т.н. "разгула демократии", когда некоторая экономическая и политическая стабилизация возродила стремление к национальной самоидентификации. В этом смысле изучение этнической специфики русской или польской КМ очень осложняется. Во всяком случае, в сфере политической или деловой жизни разнообразие взглядов столь велико, что выделить на этом фоне национальную специфику в чистом виде очень непросто. Однако есть сфера, в которой изменения происходят очень редко. Это основная, экзистенциальная сфера жизни человека – быденная, бытовая сфера. Именно она максимально выражается в языковой форме.

А если так, возникает следующая проблема: насколько когнитивная картина мира связана с языковой. Каждый ли национальный язык обладает собственной когнитивной КМ и если так, то не окажется ли излишним разведение этих понятий? Ведь если количество КМ равно числу языков, то, может быть, когнитивная КМ обусловлена языковой и даже сводится к ней. Обучаясь родному языку, мы одновременно приобретаем знания о мире и о себе. Посредством языка мы выражаем не только свои мысли о мире, но и свое отношение к нему, к другим людям, проявляем свои эмоции и желания. Но только ли при помощи языка? Возможны и невербальные проявления эмоций и волеизъявлений (жесты, мимика, взгляд и пр.). Всегда ли думая о каком-то предмете или явлении мы помним их названия? Очень часто случаются ситуации, когда человек не может вспомнить необходимого слова или необходимой его формы ("эффект кончика языка"), а также не может найти подходящий способ выражения собственной мысли. Нередки случаи переформулирования высказывания или мучительных поисков нужного слова, которое бы максимально выражало нашу интенцию. Все это касается порождения речи. Еще больше проблем возникает при восприятии и понимании (интерпретации) речи другого человека. Очень часто понимание чужой речи является лишь мнимым. Более глубокое проникновение в смысл произнесенного кем-то обычно показывает, что мы поняли чьи-то слова превратно, приписав им желаемый для нас или доступный нам смысл. Взаимное непонимание значительно возрастает, когда увеличивается возрастной, интеллектуальный, мировоззренческий разрыв между собеседниками. Но все это в пределах одной языковой культуры (одной языковой КМ). Межъязыковая коммуникация серьезно усугубляет эту проблему даже в случаях социальной и интеллектуальной близости. Речь идет, конечно, о случаях, когда один или оба собеседника знают оба языка. "Каждая беседа имеет очевидную предпосылку, что собеседники говорят на том же языке" [3: 354]. Случаи незнания или очень слабого владения языком общения в расчет не берутся, так как в этом случае задействуются более поверхностные формальные факторы (фонетико-фонематические, формально-грамматические, лексические). При сравнительно хорошем знании иностранного языка эти факторы отходят на второй план, так как становятся, собственно, условием этого самого "хорошего владения языком". Однако именно эти случаи в наибольшей мере демонстрируют глубинные составные картины мира, состоящие в:

- а) способе категориального и полевого членения мира на элементы;
- б) способе представления событий, происходящих в мире (т.е. способе мышления о мире);
- в) характере отношения к элементам мира и событиям, а также способе их оценки (т.е. составлении иерархии ценностей).

В определенном смысле эти три составляющие КМ совпадают с традиционно выделяемыми в семиотике тремя аспектами знаковой деятельности: семантикой, синтактикой и прагматикой. Однако строгое разведение первых двух аспектов и прагматики неприемлемо с точки зрения функционально-прагматической методологии [4: 75-102], в которой каждое явление рассматривается через понятие его прагматики. Поэтому прагматический аспект здесь должен рассматриваться не как объектный (семантика и синтактика объекта), а как субъектный аспект (отношение к семантике и синтактике с точки зрения их ценности, значимости для субъекта). Поэтому три аспекта когнитивной КМ применительно к языку выражаются в прагматической специфике организации лексикона (или информационной базы), широко понимаемой грамматики (внутренней формы) данного этнического языка. Каждый язык обладает собственной подобной спецификой. Именно ее и можно назвать **этноязыковой картиной мира**. Именно эту специфику подчеркивал В. фон Гумбольдт, употребляя термин "внутренняя форма языка", трактуя его как "дух народа".

Таким образом, когнитивная КМ – это вся совокупность опыта конкретного человека как психофизиологического и социального существа, взятая в его специфике относительно других людей. КМ включает в себя как чувственно-физиологический (сенсорный), так и эмоционально-мыслительный (психический) опыт, как предметный (направленный на природу), так и коммуникативный (направленный на общество) опыт. Этот последний может еще быть назван семиотическим, поскольку осуществляется в форме знаков. Именно в рамках этого типа деятельности и формируется специфическая языковая картина мира. Поэтому языковую КМ не следует смешивать ни с чувственно-эмоциональной, ни с психомыслительной, ни с социально-поведенческой ни с семиотической, частью которой она является. Понятно, что, будучи социальной личностью, человек содержит в своей КМ все компоненты его

общественной ангажированности: представления и образ поведения, принятый в его ближайшем окружении (семья, родня, круг друзей и знакомых), в сфере его профессиональной активности или досуга (профессиональные представления и поведение, политические, религиозные, национальные, культурные интересы), а также в виртуальной сфере (научные, философские воззрения и эстетические пристрастия). Языковая картина мира, конечно же, будет содержать как элементы личностных особенностей опыта конкретного человека, так и некоторые стереотипы, свойственные целому социальному слою. Эти последние чаще всего носят традиционный и подсознательный характер. Человек может не отдавать себе отчета в том, что тот или иной его поступок, та или иная фраза обусловлены не его личным волевым решением или рассуждением, а являются следствием стереотипов, выработанных многими поколениями его предшественников в той или иной сфере общественной жизни.

Другими словами, общество нас воспитывает такими, какие мы ему нужны. Как пишет В. И. Поставалова, "картина мира служит универсальным ориентиром человеческой деятельности, определяющим общее течение всех процессов в обществе, всю его социокультурную жизнь" [5: 27].

Этнический менталитет в этом смысле может выполнять функцию хранителя такой информации и стимулятора поведения человека как представителя определенного этноса, следовательно, обеспечивать интеграцию индивидов в обществе. Одним из мощнейших факторов стабилизации такой информации и таких поведенческих предписаний является язык. Применительно к языку именно в этой функции можно и следует использовать термин этническая (русская, польская и т.д.) языковая КМ.

В настоящее время, когда теорию непереводаемости опровергла живая переводческая практика, а Интернет открыл доступ к разнообразной информации, переводчик должен непременно стать носителем картины мира народа, тексты которого он собирается переводить. Этого требует от него его профессия. Сходную мысль высказал уже в XVIII веке И. В. Гете: "При переводе следует добираться до непереводаемого, только тогда можно по-настоящему познать чужой народ, чужой язык" [6: 3].

Литература

1. Maćkiewicz J. Co to jest językowy obraz świata, [w:] „Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury”, nr 11. – Lublin, 1990.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988.
3. Gadamer H.-G. Prawda i metoda. – Kraków, 1993.
4. Лещак О., Metodologia – Epistemologia – Ontologia. Lingwistyczne rozważania o pragmatyzmie funkcjonalnym // Rozważania metodologiczne. Język – Literatura – Teatr. – Warszawa, 2000.
5. Поставалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Под ред. Б. А. Серебренникова. – М.: Наука, 1988.
6. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводаемое в переводе. – М.: Р. Валент, 2009.